

Юрий СОХАРЬ, профессор

ВСТРЕЧИ С МАШЕРОВЫМ...

(Продолжение. Начало на 7-й стр.)

Ему действительно было с нами хорошо – легко, уютно, комфортно. После простодушно-хитрой просьбы-намека бедной студентки он на какое-то короткое время снял с себя маску respectableного, благополучного, всемогущего хозяина-политика, превратившись в обыкновенного интеллигентного человека. У него даже стиль разговорной речи изменился – она утратила приобретенные напевность и возвышенность. Он был уже настроен познакомиться с нами, но, видно, не хотелось...

– Знаете, друзья, растрогали вы меня, – эти слова он произнес очень проникновенно. – Хочу поделиться с вами сокровенным, душевным. У меня есть мечта... Нет, не те дела, которые мне ежедневно приходится делать, решать, выполнять... К тому же они не всегда мои, больше навязанные. Да их и мечтой назвать нельзя – повседневщина. Моя мечта – это чтобы белорусы, точнее жители нашего края, жили достойно. Не богато, богато мы жить не можем – богатств у нас мало. А вот достойно – можем все. Мы по природе достойный народ, но нам нужны еще и достойные условия, которые может создать только власть. Я стараюсь это сделать, многое делаю... Свою мечту, пусть не всю, не до конца, но я исполню!

Мы все, затаив дыхание, вслушивались в эти слова-мысли, слова-откровения, дышавшие искренностью. А как иначе? Зачем ему, такому знаменитому, грубо говоря, валять дурака перед только-только встающими на ноги молодыми людьми? Значит, не было у него и рядом с ним людей, которым можно было бы распахнуть свою душу. А она, его светлая душа, видно, просила и была готова к исповеди. Вот это и произошло.

Вспоминая тот момент, искренне скажу читателям: я был потрясен этим порывом откровения. Но я, имея большой жизненный опыт, чем мои однокурсники (пас коров, работал на заводе, отслужил в армии...), уже тогда усомнился, что Петр Миронович свою заветную мечту исполнит – тоталитарная высшая политическая власть СССР не позволил ему это осуществить. А тогда, после нашей встречи и его исповедального душевного порыва, мы все задумчиво молчали...

– Ну, что ж, – уже другим, официально-добро-

желательным тоном, сказал Машеров, – всего вам хорошего, творческих удач, мои добрые юные друзья! Буду рад видеть вас на сценах театров. До свидания!

Мы проводили Петра Мироновича и Эльвиру Петровну аплодисментами и, когда они покинули зал, расслабленно попадали в кресла. Перебросились несколькими фразами о том, что было, похвалили друг друга за качественную творческую импровизацию, а основные дифирамбы адресовали Окружной. Еще не зная, как воплотятся слова Машерова «мы поможем», восторженно хвалили Свету за тонкую, элегантною подводку к предстоящему выпускному вечеру. Пользуясь случаем, хочу сказать несколько слов о Светлане. Все годы учебы она жила в своеобразном творческом напряжении, преодолении своей природы. Дело в том, что наш учитель Д.А. Орлов часто сокрушался, сетуя на изменяющуюся с годами внешнюю индивидуальность наших девушек. Он мне лично говорил, что, набирая курс, обещал подготовить для ТЮЗа двух актрис с амплуа инженеру (ingenue – наивная, простодушная, порхающая девушка) и травести (travesti – исполнительница ролей мальчиков-подростков). С этой перспективой он и взял Наташу Венедиктову и Светлану Окружную. Но с годами обе студентки приобрели формы, которые не могли соответствовать внешности худосочных мальчиков и наивных барышень. К тому же у обеих открылось глубокое драматическое нутро, которое не вязалось с амплуа простодушных, порхающих героинь. Но если Венедиктова все же пошла по распределению в ТЮЗ, то Окружная не хотела в его сторону даже смотреть. Она уехала в Витебск, где на академической сцене за многие годы творчества создала целую галерею женских образов титанической силы. Но все это великое и неимоверно трудное будет позже...

Сегодня, по прошествии пятидесяти лет, я вправе утверждать, что наш актерский курс действительно состоял из одаренных людей, которые стали народными артистами БССР и других союзных республик, дикторами радио, профессорами, кандидатами наук, талантливыми режиссерами с высокими званиями и наградами. Многих, к сожалению, уже нет, но некоторые еще и сегодня создают яркие

режиссерские полотна, сценические уникальные характеры-образы, готовят в Академии искусств и Университете культуры новые поколения мастеров театра...

А тогда, в конце шестидесятых, мы, восемнадцать почти уже оперившихся орловских птенцов, продолжали работать над дипломными спектаклями, ждали возвращения из больницы учителя, а еще – тайно надеялись на обещанную Машеровым помощь. И она вскоре пришла. Дней через пять-шесть после визита высокого гостя меня пригласила ректор и сказала, что сегодня после 14 часов весь наш курс должен посетить ЦК с паспортами.

– Зачем?... – удивился я.

– Денег на туфли дадут. Вы же просили, – спокойно ответила Герасимович и добавила: – Как это будет – спросишь у дежурного милиционера.

Мы наспех свернули репетицию и разбежались по местам обитания за документами. Ровно в 14.00, несколько приодевшись – ведь не каждый день приглашают в такое учреждение, мы собрались у главного входа в ЦК. На правах старшего (к тому же я был коммунистом – вход в ЦК был по предъявлении партбилета) зашел в здание и объяснил ситуацию милиционеру. Тот кому-то позвонил и сказал:

– Позовите своих товарищей сюда.

Когда все собрались, он вежливо пригласил:

– Пройдите, пожалуйста, в комнату для посетителей и подождите – к вам сейчас выйдут.

Кто-то из девушек спросил:

– Машеров?

Милиционер улыбнулся...

Комната была довольно просторная, с журнальными столиками и стульями, человек на двадцать. Только мы уселись, вошла пожилая, очень милая женщина с сумочкой и ведомостью.

– Здравствуйтесь, уважаемые передовики производства! Какие вы симпатичные!.. Так, я буду вызывать по алфавиту, а вы подходите, получайте и расписывайтесь, хорошо?

Вся процедура заняла минут двадцать – быстро, корректно, без суеты. Каждый получил 56 рублей. Когда мы вышли из здания и сгруппировались на площадке у кинотеатра «Пионер», Грунин меня спросил:

– Как ты думаешь, почему именно по 56 рублей? Да и обозвала нас передовиками производства – почему?

– А ты что, не передовик? Женился, заканчиваешь элитный вуз – еще какой передовик, ого! Не утруждай себя мыслями, Женя. Расчет простой: тридцать на туфли и двадцать шесть на банкет. А то, как она нас «обозвала», – это не имеет значения. Видно, статья расходов у них связана с передовиками, понял?

– Логично, продуманно, по-коммунистически, – сделал умозаключение мой друг.

– Я пошутил. Думаю, все намного проще... Данная выплата является дополнительной стипендией за два месяца. Но, в принципе, это не важно: стипендия или премия передовикам. Главное – спасибо Петру Мироновичу, поддержал!

К нам подошел Женя Богданович, имевший кличку «Дед» (он семь раз поступал в театральный). Он был самым старшим по возрасту и любил выпить.

– Ребята, – уверенно заявил он, – считаю, что мы должны пойти в ресторан и выпить за руководителя республики, щедрого и доброго человека. Предлагаю поехать на Автозавод в ресторан «Чайка» – недорогой, и там хорошо готовят цыпленка табака. Поехали!

Девушки и часть парней замахали руками: «Нет, нет! Никакого ресторана, идемте в ГУМ туфли покупать». Володя Баклейчев, никогда не участвовавший в курсовых «складчинах», сказал, что он обещал маме в чем-то помочь, поэтому едет домой... Таким образом, большинство разбежалось. Мы, оставшиеся шесть парней и седемья – Катя Абызова, направились на «Веранду» ресторана «Беларусь».

Не могу не сказать несколько слов о Кате, талантливой, светлой, доброй девушке, которая была честью и совестью нашего курса. На третьем году обучения Женя Грунин и Катя поженились. После окончания института молодую семью распределили в Брестский областной театр. Катя ждала ребенка, поэтому осталась у родителей в Минске. Летом 1969 года в республиканском центре матери и ребенка новорожденного мальчика спасли, но Катя умерла. Мне до сих пор об этом

больно не только говорить, но и вспоминать...

Старожилы города Минска должны помнить знаменитую «Веранду», летнюю часть ресторана «Беларусь», любимое место многих завсегдатаев. Основная ее часть, увитая диким виноградом и хмелем, смотрела на стадион «Динамо»: во время матчей можно было «следить» за тем, что происходит на поле, – слышать голос комментатора и шум трибун.

Нам повезло – матча не было. Расположившись в сплетенных из лозы уютных креслах, заказали с размахом: две бутылки «Столичной», семь цыплят табака, всяких салатов, винегрет, а Катеньке – сок манго и мороженое с земляникой. Мы, кто умел, с наслаждением выкурили по сигарете фирмы «Camel». Когда заказ был на столе, а рюмки наполнены, я предложил тост за человека, который дал нам возможность отдохнуть по-богатому: «За здоровье Петра Мироновича!» Потом были другие тосты: за это состояние счастья, когда мы молоды и нам пока так мало надо; за наши будущие творческие удачи; за Катю и Женю и их родительское счастье...

А дальше... В течение месяца мы успешно сдали государственные экзамены по специальным дисциплинам и по главному предмету того времени – научному коммунизму. Мы порадовали театральную общественность города, всех, кому была безразлична национальная театральная школа, своими дипломными спектаклями. А на выпускном балу, уже будучи дипломированными артистами, мы блистали в новенькой обуви: девушки – в фирменных туфельках «Габор», «Честер» и «Цебо», а парни – в основном от фабрик «Скорострел» и «Луч». И лишь Володя Аносов, сын полковника, служившего «за бугром» в группе советских войск, демонстративно чарльстон в обуви от фирмы «Romika»...

Мы разъехались. Встретились через некоторое время... на похоронах однокурсницы, а позже – Учителя. Больше за последующие пятьдесят лет собраться всем вместе нам не довелось. Но всегда при коротких встречах с однокурсниками, которые рядом или живут недалеко, перелистывая воспоминания о годах ученичества, мы со щемлящим душевным чувством вспоминаем машеровский щедрый жест.

(Продолжение в одном из следующих номеров.)

Юрий СОХАРЬ, профессор

ВСТРЕЧИ С МАШЕРОВЫМ...

(Окончание. Начало на 7-й стр.)

– Нормально, Петр Миронович, диссертацию защитил.

– Вот это – молодец, поздравляю! Сильно нападали?

– Нет, не сильно. Я в Ленинграде защищался.

– Да, там люди интеллигентные, не то что в Москве... Ну хорошо! Начнем с показа или рассказа? – и тут же сам предложил: – Давайте вначале посмотрим, а потом поговорим. Идемте в зал...

Мы прошли в небольшой просмотровый залчик, мест на тридцать, не больше, где уже находился человек пять-семь гостей, среди которых были Н.Л.Снежкова и С.В.Марцелев. Поскольку я фильм тоже не видел, то сначала испытывал душевное волнение, сомневался: может, напрасно влез не в свое дело? Потом успокоился, ибо картина оказалась интересной, яркой своим внутренним и внешним колоритом – болгарским и белорусским. Были в ней и смех, и слезы, и любовь, и драматические события войны. Фильм закончился под аплодисменты, которые инициировал Машеров – было видно, что картина ему понравилась.

– Ну что ж, товарищи, обменяемся мнениями. Начнем, пожалуй, с молодого кандидата наук. Пожалуйста!..

Я подробно говорил о кинокартине, постоянно вплетая в анализ ее художественных достоинств упоминания об одержимости и таланте режиссера Добролюбова. Акцентируя внимание на положительном событии – прорыве белорусского кино на международный уровень, я эмоционально сетовал на руководителей Госкино СССР, кото-

рые хотят присвоить себе успех не только режиссера, но и киностудии «Беларусьфильм», всего белорусского кинематографа. «Разве можно, – возмущался я, – высокохудожественной картине так цинично присвоить третью категорию проката?! Это насмешка над творческими людьми не только Беларуси, но и Болгарии. Видимо, они там так зажирили, что потеряли ориентацию». Чтобы немного смягчить созданный мною же эмоциональный накал, я решил ввернуть в свое выступление комедийно-драматический случай, происшедший с Игорем Добролюбовым в молодости, когда он во время учебы в БГТХИ работал актером в белорусском ТЮЗе.

– Позволю себе, уважаемые товарищи, – начал я, – раскрыть один секрет о нашем кинорежиссере. Простите меня великодушно, Игорь Михайлович, но я вынужден это рассказать...

Поскольку мы с ним не говорили ни о каких секретах, а тем более об их разглашении, то при моих словах глаза Добролюбова, образно говоря, полезли из орбит. К тому же все присутствующие вперили в него пристальные взгляды.

– Так вот, – продолжал я, – двадцать лет назад, в пору своей молодости, Игорь Михайлович некоторое время работал актером в Театре юного зрителя. Во время репетиции спектакля «Гимназисты», которая проходила в репетиционном зале на третьем этаже, наш талантливый молодой актер настолько вошел в образ и эмоциональное состояние героя, что в творческом экстазе выскочил на лестничную площадку и, потеряв равновесие, рухнул через низкое ограждение в лестничный

пролет с восьмиметровой высоты...

– А-а-й! – выдохнул С.В.Марцелев, – Так, как Купала?..

– Да! – продолжал я, – Только Купала рухнул в такой же лестничный пролет с седьмого этажа и упал на кафельный пол. А Игорь Добролюбов, по-видимому, родился в рубашке, ибо свалился на фанерные декорации, которые были приготовлены для вечернего спектакля. Услышав удар, треск, крики и вопли артистов, на площадку выбежала художественный руководитель театра Любовь Ивановна Мозолевская, которая проводила эту злополучную репетицию. Увидев внизу людей, растаскивающих сломанные декорации и достающих оттуда тело человека, она тихо опустилась на пол, потеряв сознание. Пока ее приводили в чувство, по лестнице, пошатываясь, поднялся Добролюбов и удивленно спросил: «Что случилось? Почему не репетируем?»

Все присутствующие заулыбались и, глядя на Игоря Михайловича, искренне зааплодировали.

– Прошу прощения, Петр Миронович, за столь пространное выступление и за эту комедийно-драматическую быль, но она, на мой взгляд, имеет глубокий подтекст. Если этот талантливый человек вынес такой физический удар в одиночку, то неужели мы все вместе не поможем ему справиться с моральным ударом, который ему несправедливо нанесли плохие чиновники из Госкино СССР?

Потом говорили Ивановский, Марцелев, Снежкова и еще кто-то – все поддерживали Игоря Михайловича, ссылались на меня: «как верно заметил...», «как правильно сказал...» и т.д. и т.п. Но

главное – кино всем понравилось! Петр Миронович был предельно лаконичен, давая высокую оценку фильму «Братушка». Что же касается его дальнейшей судьбы в прокате и несколько нарушенного статуса кинорежиссера, то Машеров твердо заявил:

– Говоря словами В.И.Ленина, «из всех искусств для нас важнейшим является кино», так же как и его творцы-создатели. Это достоинство нашей республики... И вы, Игорь Михайлович, будьте спокойны: мы не позволим опорочить ваш творческий труд и вас как человека творческого, художника. Да, у нас много обязанностей, мы не самостоятельны, но у нас есть и права, которые мы будем отстаивать и отстаивать... Я всем благодарен за работу и прошу со мной пообедать, ведь время обеда давно уже наступило, не так ли, товарищ Сохарь?..

– Да, так... но вроде как и не так... как-то вроде и... а может, и правда... – попытался я все перевести в шутейное русло.

– А как иначе?.. Кино показали бесплатно, так должен же я вас хоть обедом накормить, – шутил Петр Миронович.

Нас, насколько я помню, было восемь человек вместе с хозяином. Разместились на уютной закрытой веранде за длинным столом, друг напротив друга. Обед был, скажем так, деловой, без всяких изысков. Несколько салатов, солянка, тушеная баранина с заказным гарниром (рис, картофель, овощи) и традиционный напиток – компот из сухофруктов. Все свежее, очень вкусное. Да, чуть не забыл. Рядом стоял небольшой круглый столик, а на нем армянский трехзвездочный коньяк,

красное и белое болгарское вино. Кто желал, тому красивая девушка-официантка наливала рюмку-две или фужер вина...

Об этой, скажем, неофициальной дачной встрече и беседах с П.М.Машеровым я помню всегда. Она была как деловая, но вместе с тем семейная, душевная. Я видел перед собой человека доступного, даже в каких-то нюансах простого, выходца из народа. И вместе с тем умного, состоявшегося политика, знающего и понимающего все нюансы партийного крючкотворства. Машеров был в обейме этой системы, подчинялся ей и преданно служил, хотя иногда было заметно, что в недрах своей крестьянской души он сопротивлялся ей...

А что Добролюбов, спросит читатель? Как разрешились его творческие проблемы после встречи с руководителем республики? Все, что обещал П.М.Машеров, исполнилось в кратчайшие сроки. Фильм «Братушка» получил первую категорию, широкий прокат по СССР и в странах социалистического лагеря. Он участвовал во многих престижных фестивалях стран Европы, получая достойные награды. И.М.Добролюбову было присвоено почетное звание народного артиста БССР, он стал также лауреатом Государственной премии БССР. За полученные гонорары режиссер купил белую «Волгу». Госкино СССР его больше не беспокоило, но и, по-видимому, ограничивал в постановках фильмов. Но это уже неважно, ибо Добролюбов не сетовал на судьбу – он до конца своей жизни занимался преподавательской работой в Институте современных знаний, стал известным профессором. Мы дружили и всегда были рады встречам...